

ЖОРЖ СИМЕНОН

Здесь Мегрэ

А
ФЕЛИСИ-ТО
ЗДЕСЬ!



Жорж Сименон
А Фелиси-то здесь!
Серия «Комиссар Мегрэ»

Аляутдинова А.Х.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124760

Оригинал: Georges Simenon, "Felicie est la", 1944

Перевод:

Анна Николаевна Тетеревникова

Н. М. Брандис

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Жорж Сименон

«А Фелиси-то здесь!»

Глава первая

Похороны Деревянной Ноги

Это была совершенно необыкновенная секунда. Так бывает со снами: быстрее быстрого мелькают те, которые кажутся нам потом самыми долгими. Даже много лет спустя Мегрэ мог бы точно указать место, где это происходило: кусок тротуара, на котором он стоял, тесаный камень, куда падала его тень. Он мог бы восстановить в памяти не только мельчайшие детали окружающего, но даже снова ощутить весенний запах, почувствовать дрожание воздуха, так напоминавшие ему детство.

Впервые в том году он вышел из дома без пальто, впервые в десять утра оказался в деревне. Даже от его большой трубки пахло весной. Мегрэ тяжело ступал, засунув руки в карманы, и Фелиси, которая шла рядом, немного его обгоняя, приходилось делать два торопливых шага, пока он делал один.

Они проходили вдоль фасада нового дома из розового кирпича. В витрине лавки лежали какие-то овощи, две или

три головки сыра и кровяная колбаса на фаянсовом блюде.

Фелиси прошла вперед, толкнула рукой застекленную дверь, и тут-то, видимо, все и произошло из-за звонка, который прозвенел совсем неожиданно.

Звонок в лавке раздался необычный. За дверью висели легкие металлические трубки, и, когда ее открывали, трубки, сталкиваясь, ударялись одна о другую и слышался нежный музыкальный перезвон.

Давным-давно, когда Мегрэ еще был мальчишкой, у него в деревне, в лавке колбасника, при входе раздавался точно такой же перезвон.

Вот почему в ту секунду время для комиссара будто остановилось. Мегрэ словно перенесся в иную обстановку, будто не он совсем, этот толстый комиссар, которого Фелиси тащила за собой. И казалось, где-то неподалеку спрятался прежний Мегрэ-мальчишка, который глядел на них, с трудом удерживаясь, чтобы не прыснуть со смеха.

Ну разве это серьезно? Что делал этакий важный, толстый господин в обстановке, столь непохожей на реальную, стоя за спиной Фелиси.

Расследование? Он занимался делом об убийстве? Он искал виновного? И при этом пели птички, зеленела первая травка, вокруг стояли похожие на игрушечные кирпичные домики, повсюду раскрывались свежие цветочки, и даже лук-порей на витрине напоминал букетики.

Да, он не раз потом вспоминал ту минуту, и не всегда с

удовольствием. Долгие годы на набережной Орфевр у его коллег вошло в привычку весною, в такие вот погожие утренние часы, обращаться к нему всерьез, хотя и с некоторым оттенком иронии:

– Послушайте, Мегрэ...

– В чем дело?

– А Фелиси-то здесь!

И у него перед глазами тотчас возникала тоненькая фигурка в вычурной одежде, вздернутый носик, большие глаза, голубые, как незабудки; торчащая на макушке сногшибательная красная шляпка, украшенная золотистым пером.

– А Фелиси-то здесь!

В ответ раздавалось ворчание. Коллеги прекрасно знали: Мегрэ ворчал, как медведь, всякий раз, когда произносилось имя Фелиси, которая доставила ему хлопот больше, чем все «отпетые», сосланные его стараниями на каторгу.

Но в то майское утро Фелиси действительно находилась рядом. Она стояла на пороге лавки Мелани Шошуа, бакалейные товары. Фелиси ожидала, пока комиссар очнется от своих грез.

Наконец он сделал шаг, точно возвращаясь в реальный мир, и вновь принялся за расследование дела об убийстве Жюля Лапи, по произвищу Деревянная Нога.

Так же, как и с раннего утра, Фелиси ожидала его вопросов, резкая, агрессивная, ироничная. За прилавком симпатичная коротышка Мелани Шошуа, сложив руки на толстом

животике, во все глаза смотрела на странную пару – комиссара уголовной полиции и служанку Деревянной Ноги.

Слегка попыхивая трубкой, Мегрэ осмотрелся, увидел коричневые ящики с консервными банками, потом через стекло витрины стал разглядывать еще не застроенную до конца улицу и недавно посаженные деревья вдоль нее. Наконец, вынув из жилетного кармана часы, вздохнул:

– Вы мне сказали, что вошли сюда в десять часов пятнадцать минут, не так ли? Каким образом вы можете уточнить время?

Тонкие губы Фелиси растянулись в презрительной улыбке:

– Посмотрите!

И когда он подошел к ней, она указала на комнату за лавкой, служившую Мелани Шошуа кухней. В полумраке виделось плетеное кресло с красной подушкой, на котором, свернувшись клубком, лежала кошка, а как раз над ней стоял будильник. Стрелки его показывали 10 часов 17 минут.

А бакалейщица недоумевала, зачем эти люди явились к ней в лавку.

– Что же вы купили?

– Фунт масла... Дайте мне фунт масла, мадам Шошуа... Господин комиссар настаивает, чтобы я проделала все то же, что и позавчера... Затем малосольный сыр, не так ли?... Пойдите... Положите мне в сетку еще пакетик перца, банку помидоров и две котлеты...

Все было необычным в мире, где в то утро жил Мегрэ, и ему пришлось сделать усилие, чтобы убедить себя: он не великан, попавший в городок, построенный из деталей игрушечного конструктора.

В нескольких километрах от Парижа он повернул в сторону от берегов Сены, в Пуасси, поднялся на холм и внезапно среди настоящих полей и фруктовых садов вдруг обнаружил обособленный мирок, о котором объявлял указатель на обочине вновь проложенной дороги: «Земельные участки Жанневиль».

Видимо, несколько лет назад здесь были такие же поля, луга и рощи, как и повсюду. Но вот пришел какой-то делец, жену или любовницу которого, конечно, звали Жанной, откуда и пошло название родившегося здесь мирка.

Распланировали улицы, аллеи, обсаженные чахлыми деревцами, тонкие стволы которых укрыты от холода соломой.

Потом кое-где возникли виллы, особнячки. Это не походило ни на город, ни на деревню – обособленный мирок со свободным пространством между постройками, пустырями, изгородями, с газовыми фонарями, до смешного бесполезными на улицах, где еще нет ничего, кроме названий, обозначенных на голубых табличках.

«МОЯ МЕЧТА»... «ПОСЛЕДНЯЯ ГАВАНЬ»... – каждый домишко уже имел свое название, выведенное с завитушками, а внизу виднелся Пуасси, серебряная пента Сены, где скользили вполне реальные баржи. Подальше, на равни-

не, стояли фермы и высилась колокольня Оржевала.

А здесь правдоподобной только и была старая бакалейщица Мелани Шошуа, которую застройщики откопали в соседнем городке и предоставили ей хорошую новую лавку, чтобы новый мир не остался без коммерции.

– А что еще, милочка?

– Пойдите!.. Что еще я брала в понедельник?

– Шпильки...

В лавке Мелани можно приобрести все, от зубных щеток и рисовой пудры до керосина и почтовых открыток.

– Кажется, больше ничего, правда?

Из лавки – Мегрэ это проверил – не видно ни домика Деревянной Ноги, ни улочки, которая огибала его сад.

– А молоко! – вдруг вспомнила Фелиси. – Я чуть не забыла про молоко.

И она с привычным уже высокомерным видом объяснила комиссару:

– Вы меня настолько засыпали вопросами, что я забыла захватить с собой бидончик для молока... Во всяком случае, в понедельник я брала его с собой... Голубой в белый горошек... Вы увидите его в кухне возле газовой плитки... Не правда ли, мадам Шошуа?

И всякий раз, сообщая новую подробность, она напускала на себя надменный вид, словно жена Цезаря, которая всегда вне подозрений.

– Что я говорила вам в понедельник, мадам Шошуа?

– Кажется, вы мне сказали, что у моего Зузу глисты. Ведь он все время заглатывает свою шерсть.

Речь, видимо, шла о коте, дремавшем на красной подушке в кресле.

– Погодите, милочка... Вы еще взяли, как всегда, «Киногазету» и роман за двадцать пять су...

В конце прилавка лежали бульварные романы в пестрых обложках, но Фелиси на них не взглянула и пожала плечами.

– Сколько я вам должна?... Поторопитесь... Комиссар настаивает: все должно быть, как в понедельник, а я у вас тогда долго не задерживалась.

Тут вмешался Мегрэ.

– Скажите, мадам Шошуа... Поскольку мы говорим о том, что было в понедельник утром... Пока вы обслуживали мадемуазель, вы не слышали, не проезжала ли здесь машина?

Бакалейщица задумалась, глядя сквозь витрину на залившую солнцем улицу.

– Не могу сказать... Постойте!.. Тут их нечасто видишь... Из лавки только слышно, как они мчатся по дороге... Какой это был день?... Помню, за домом Себилей проехал маленький красный автомобиль, но в какой день – не знаю...

На всякий случай Мегрэ пометил в своей записной книжке: «Красная машина... Себиль...».

И он снова очутился на улице вместе с Фелиси, которая шла, подпрыгивая, набросив пальто на плечи, словно старин-

ный плащ: рукава развевались у нее за спиной.

– Пойдемте здесь... Домой я всегда возвращаюсь коротким путем.

Узкая тропинка петляла между огородами.

– По дороге вы никого не встретили? – спросил комиссар.

– Подождите... Сейчас увидите...

И он увидел. Фелиси оказалась права. Едва они вышли на новую улицу, навстречу им попался почтальон, поднимающийся на велосипеде на холм. Он проехал мимо них и, обернувшись, крикнул:

– Вам ничего нет, мадемуазель Фелиси!

Она посмотрела на Мегрэ.

– В понедельник он видел меня здесь в тот же час. Так бывает почти каждое утро.

Они обогнули уродливый, оштукатуренный и выкрашенный в небесно-голубой цвет домик, окруженный палисадником, и прошли вдоль живой изгороди. Фелиси толкнула калитку, задев своим развевающимся пальто кусты смородины.

– Ну вот... Теперь мы в саду... Сейчас увидите беседку...

В десять часов без нескольких минут они вышли из домика через другую дверь, выходящую в аллею. Чтобы дойти до лавки и вернуться обратно, они описали почти полный круг. Они прошли вдоль бордюра из гвоздики, которая вот-вот расцветет, и грядок с нежно-зеленым салатом.

– Он, видимо, находился здесь... – сообщила Фелиси, указав на туго натянутую веревку и тяпку, воткнутую в землю. –

Он начал сажать помидоры. Дошел до половины грядки... Когда я его тут не застала, то сразу подумала, что он пошел выпить стаканчик розового вина...

– Он пил много вина?

– Только, когда мучила жажда... Вы увидите на бочке в погребу его опрокинутый стакан.

Сад мелкого трудолюбивого рантье. Домик, в каком тысячи бедняков мечтают провести остаток дней. Из сада, залитого солнцем, они вступили в голубую тень примыкавшего к нему дворика. Направо – беседка из зелени. На столе в беседке графинчик с водкой и маленькая рюмка с толстым дном.

– Значит, вы заметили бутылку и стакан. А ведь сегодня утром вы мне говорили, будто ваш хозяин никогда не пил водки в одиночестве, особенно из этого графинчика.

Она смотрит на него с вызовом. Она все так же смотрит на него а упор своими чистыми голубыми глазами, чтобы он мог прочесть в них ее полную невиновность.

Однако же она возражает:

– Это пил не мой хозяин...

– Знаю... Вы мне уже говорили...

Бог мой, как трудно иметь дело с такой особой, как Фелиси! Что она еще сказала своим резким голосом, который так действует на нервы Мегрэ? Ах, да... Она сказала:

– Я не имею права выдавать чужие секреты. Может быть, в глазах некоторых я была просто служанкой. Но он относился

ко мне не как к прислуге. В один прекрасный день все бы, конечно, узнали...

— Что узнали?

— Ничего.

— Вы намекаете, что были любовницей Деревянной Ноги?

— За кого вы меня принимаете?

Мегрэ рискнул:

— Ну так его дочерью?

— Бесплезно допытываться... Быть может, когда-ни-
будь...

Вот она, Фелиси! Жесткая, как гладильная доска, кислая, взбалмошная, с резкими чертами неумело напудренного и нарумяненного лица, маленькая служанка, мнящая себя принцессой на деревенском балу, но взгляд которой вдруг с тревогой устремляется в одну точку, а на губах мелькает отчужденная презрительная улыбка.

— Если он пил в одиночестве, это меня не касается...

Нет, старый Жюль Лапи по прозвищу Деревянная Нога пил не один. Мегрэ убежден в этом. Человек, работающий в своем саду, с соломенной шляпой на голове и в сабо на ногах не бросит вдруг неоконченной посадку помидоров и не пойдет искать в буфете бутылку с водкой, чтобы одному распивать ее в беседке.

В то утро на столе, выкрашенном в зеленый цвет, стояла и вторая рюмка. Кто-то ее убрал. Может быть, Фелиси?

— Что вы сделали, не застав Лапи в саду?

– Ничего. Пошла в кухню, зажгла газ, поставила кипятить молоко и накачала воды, чтобы вымыть овощи.

– А потом?

– Встала на старый стул и сменила липкую бумагу для мух...

– Не снимая шляпки с головы? Ведь вы всегда ходите за покупками в шляпке?

– Конечно. Я ведь не какая-нибудь замарашка.

– Когда же вы ее сняли?

– Когда вскипело молоко. Я поднялась к себе наверх.

Все новое и свежеекрашенное в доме, который старик окрестил «Мыс Горн». Лестница пахнет лакированным еловым деревом. Ступеньки трещат под ногами.

– Поднимайтесь! – сказал комиссар. – Я пойду следом за вами.

Она толкает дверь комнаты, в которой стоит кушетка, покрытая кретоном в цветочках, а на стенах висят фотографии киноактеров.

– Значит, так... Я снимаю Шляпу... И вдруг вспоминаю: «Ах, да! Забыла открыть окно у мсье Жюля». Иду через площадку. Открываю дверь и как вскрикну...

Мегрэ попыхивает трубкой, которую набил в саду свежим табаком. Он рассматривает на натертом полу контуры тела Деревянной Ноги, очерченные мелом в понедельник утром, когда его нашли здесь.

– А револьвер? – спрашивает он.

– Никакого револьвера не было. И вы это сами прекрасно знаете, раз читали полицейский рапорт.

В комнате убитого над камином модель трехмачтовой шхуны. На стенах все картины изображают парусники. Мегрэ мог бы подумать, что находится в комнате бывшего моряка, если бы жандармский лейтенант, который вел расследование, не рассказал ему о забавных приключениях Деревянной Ноги.

Жюль Лапи никогда не был моряком. Он служил счетоводом в Фекане, в фирме, продававшей оснащение для морских судов: паруса, тросы, шкивы, а также продукты питания для долгих рейсов.

Закоренелый холостяк, мелочный до маниакальности, бесцветный, ограниченный. Брат его работает плотником на судоверфи.

Однажды утром Жюль Лапи – ему тогда было лет сорок – поднялся на борт «Святой Терезы», трехмачтового корабля, которому в тот же день предстояло сняться с якоря и отправиться в Чили за фосфатами. Лапи явился на судно с поручением весьма прозаическим: удостовериться, все ли товары доставлены, и потребовать у капитана оплаты.

Что же происходит? Моряки, жители Фекана, всегда подсмеивались над педантом счетоводом, который выглядел испуганным, всякий раз, поднимаясь по долгу службы на борт судна. Так произошло и в тот раз. С ним по обычаю чокнулись. Его заставили. Бог знает, сколько ему пришлось вы-

пить, чтобы так наклюкаться?

Однако, когда во время прилива «Святая Тереза» скользила между молами нормандского порта, выходя в открытое море, мертвецки пьяный Жюль Лапи храпел в углу трюма, а команда считала, что он давно уже на земле – по крайней мере, все они так утверждали!

Трюмы закрыли. И только два дня спустя обнаружили счетовода. Капитан отказался повернуть обратно, уклониться от курса, и вот таким образом Жюль Лапи, который в то время имел еще обе ноги, оказался на пути к мысу Горн.

Во время того путешествия он лишился ноги.

Несколько лет спустя, в понедельник, его убьют из револьвера через несколько минут после того, как он бросит сажать помидоры. А Фелиси тем временем будет делать покупки в новой лавке Мелани Шошуа.

– Спустимся вниз... – вздохнул Мегрэ.

В доме спокойно и приятно благодаря игрушечной чистоте и вкусным запахам! Столовая, справа, превращена в покойницкую. Комиссар только приоткрыл дверь в комнату. Ставни закрыты, и лишь тоненькие лучи света проникают в комнату. Гроб стоит на столе, покрытом сукном, а сбоку салатник, наполненный святой водой, и в ней плавает веточка самшита.

Фелиси ждет Мегрэ на пороге кухни.

– В общем, вы ничего не знаете, вы ничего не видели, вы не имеете ни малейшего представления о том, кого ваш хо-

заяин... кого Жюль Лапи мог принимать в ваше отсутствие...

Она смотрит на него, не отвечая.

– И вы уверены, что, когда вернулись, на садовом столе стояла только одни рюмка?

– Я видела только одну... Но если вы видите две...

– У Лапи кто-нибудь бывал?

Мегрэ садится возле газовой плитки. Он охотно чего-нибудь бы выпил, охотнее всего того розового вина, о котором ему говорила Фелиси. Вероятно, оно-то и хранится в бочке, виднеющейся в прохладной тени погреба. Солнце поднялось выше и мало-помалу высушило осевший на оконных стеклах пар.

– Он не любил гостей...

Занятный человек. Его существование совершенно меняется после неожиданного путешествия к мысу Горн. Он возвращается в Фекан на деревянной ноге, и все охотно подсмеиваются над его приключениями. Он живет еще более замкнуто и начинает долгую тяжбу с владельцами «Святой Терезы». Он настаивает, что во всем виновата компания: он попал на корабль не по своей воле, и, следовательно, судовладельцы несут полную ответственность за несчастный случай. Он очень высоко оценил свою потерянную ногу и выиграл тяжбу. Суд присудил ему довольно большую пенсию.

Жители Фекана продолжают подсмеиваться над ним. Он решает уехать от своих земляков, а заодно расстаться с морем, которое ненавидит, и одним из первых соблазняется

широковещательными проспектами создателей Жанневиля.

Затем выписывает себе служанку – девушку из Фекана, которую знал еще ребенком.

– Сколько лет вы у него прожили?

– Семь лет...

– Сейчас вам двадцать четыре... Значит, вам было семнадцать, когда...

Мегрэ задумался и неожиданно спросил:

– У вас есть любовник?

Она смотрит на него, не отвечая.

– Я вас спрашиваю, есть ли у вас любовник?

– Моя личная жизнь касается только меня.

– Вы принимали его здесь?

– Я не собираюсь вам отвечать.

Отхлестать бы ее по щекам. Минутами Мегрэ хочется залепить ей пощечину или потрясти за плечи.

– Ведь я все равно до всего докопаюсь...

– Ни до чего вы не докопаетесь...

– Ах так! Не докопаюсь...

Он останавливается. Это уже слишком глупо! Неужели он будет пререкаться с девчонкой?

– Вы уверены, что вам нечего мне сказать? Подумайте хорошенько, пока еще не поздно.

– Я уже обо всем подумала.

– Вы ничего от меня не скрываете?

– Это было бы трудно! Говорят, вы настолько хитры, что

от вас ничего не скроешь.

– Ладно, увидим!

– Не то уже видели!

– Что вы собираетесь делать, когда сюда приедут родственники и Деревянную Ногу похоронят?

– Не знаю.

– Вы думаете остаться здесь?

– Может быть.

– Надеетесь стать его наследницей?

– Весьма возможно.

Мегрэ никак не удастся сохранить спокойствие.

– Во всяком случае, дитя мое, зарубите себе на носу одно: пока будет вестись следствие, я запрещаю вам отлучаться отсюда без разрешения полиции.

– Значит, я не имею права выйти из дома?

– Нет!

– А если мне захочется куда-нибудь сходить?

– Вы попросите у меня разрешения.

– Вы думаете, я его убила?

– Я думаю все, что мне нравится, и вас это не касается.

С него достаточно. Он взбешен. Он злится на себя, что доведен до такого состояния из-за какой-то Фелиси. Ей двадцать четыре года? Да где там! Она ведет себя, как девчонка двенадцати или тринадцати лет, выдумывает всякое и мнит о себе бог знает что.

– До свидания!

– До свидания!

– Кстати, что вы будете есть?

– За меня не беспокойтесь. Я не позволю себе умереть с голоду.

В этом он убежден. Он представляет себе: едва он уйдет, как Фелиси сразу же усядется за кухонный стол и станет медленно есть что придется, читая при этом одну из тех книжонек, которые она покупает у мадам Шошуа.

Мегрэ взбешен. Его околпачивают на глазах у всех, да еще кто – эта язва Фелиси.

Наступает четверг. Приехали родственники Жюля Лапи: брат, Эрнест Лапи, плотник из Фекана, человек сурового вида, со стриженными бобриком волосами и лицом, обезображенным оспой, его толстая усатая жена, двое детей, которых она подталкивает перед собой, как гусят. Его племянник, молодой человек девятнадцати лет, Жак Петийон, приехавший из Парижа: у него нездоровый, лихорадочный вид, и весь клан Лапи недоверчиво на него поглядывает.

В Жанневиле нет кладбища. Кorteж направился в Оржеваль, административный центр, к которому относится новый поселок. Черная креповая вуаль Фелиси вызывает большую сенсацию. Где она ее откопала? Только потом Мегрэ узнает: одолжила у Мелани Шошуа.

Фелиси не ждет, пока ей укажут место. Она становится в первом ряду и шествует впереди семьи, прямая, настоящая скорбящая статуя, все время прикладывая к глазам носовой

платок с черной каймой, надушенный дешевым одеколоном, который тоже, вероятно, приобрела в лавочке Мелани.

Бригадир Люка, прошедший ночь в Жанневиле, сопровождает Мегрэ. Оба они следуют за кортежем по пыльной дороге, а в ясном небе расппевают жаворонки.

– Она что-то знает, это точно. Какой бы хитрой себя ни считала, в конце концов она расколется.

Люка утвердительно кивает. Во время заупокойной мессы двери маленькой церкви остаются открытыми, и в ней больше пахнет весной, чем ладаном. До вырытой могилы идти недалеко.

После похорон семья должна вернуться в дом покойного, чтобы заняться завещанием.

– С чего это мой брат стал бы оставлять завещание? – удивляется Эрнест Лапи. – В нашей семье это не принято.

– Фелиси уверяет...

– Фелиси... Фелиси... Опять Фелиси...

Люди невольно пожимают плечами.

Но разве она не проталкивается вперед и первой не бросает лопату земли на гроб? А потом, вся в слезах, отходит поспешно и кажется, вот-вот должна упасть...

– Не упускай ее из виду, Люка!

Она шагает, шагает, быстро сворачивает в какие-то переулки Оржеваля, и вот наконец Люка, следующий за ней на расстоянии каких-нибудь пятидесяти метров, попадает на пустынную улицу и видит, как вдали исчезает за поворотом

грузовичок. Он опоздал...

Люка толкает дверь харчевни:

– Скажите, пожалуйста... Грузовичок, который только отъехал... Вы знаете?

– Да... Машина Луве, механика... Он только сейчас здесь выпил кружку пива...

– Он никого не захватил с собой?

– Не знаю... Не думаю... Я не выходил...

– Вы не знаете, куда он поехал?

– В Париж, как обычно по четвергам...

Люка бросается на почту, которая, к счастью, оказывается напротив.

– Алло!.. Да... Это Люка... Поскорее... Грузовик довольно потрепанный, уже повидавший виды... Подождите...

Он спрашивает у почтовой служащей:

– Вы не знаете номерного знака машины мсье Луве, механика?

– Нет... Помню только, что он кончается на цифру восемь...

– Алло!.. Последняя цифра номера – восемь... Девушка в трауре... Алло!.. Не прерывайте... Нет... Вряд ли ее нужно задерживать... Просто последить за ней... Понятно? Комиссар позвонит сам.

На дороге из Оржеваля в Жанневиль Люка догоняет Мегрэ.

– Она исчезла...

– Что?

– Думаю, вскочила в грузовичок, когда тот уже трогался с места... Забежала за угол... Я звонил на набережную Орфевр... Сейчас поднимут на ноги людей... Предупредят на заставах...

Итак, Фелиси исчезла! Запросто, среди бела дня, как говорится, под носом у Мегрэ и его лучшего бригадира! Исчезла в огромной черной вуали, по которой ее можно узнать за километр.

Члены семьи, время от времени поворачивающие головы в сторону полицейских, удивлены, не видя Фелиси. Оказывается, она унесла с собой ключ от дома, и теперь приходится идти через сад. Мегрэ открывает жалюзи на окнах столовой. На столе еще лежит простыня и веточка самшита. В комнате по-прежнему пахнет свечой.

– Я бы чего-нибудь выпил, – вздыхает Эрнест Лапи. – Этьен!.. Жюли!.. Не бегайте по грядкам... Где-то должно быть вино...

– В погребе... – сообщает Мегрэ.

Жена Лапи идет в лавку Мелани Шошуа купить детям пирожных, а заодно берет и для всех.

– Нет никакого основания думать, господин комиссар, будто брат составил завещание... Я, конечно, знаю, он был оригинал... Жил, как медведь в берлоге, и мы с ним почти не виделись... Но что до этого... Тут уж...

Мегрэ шарит в ящиках письменного стола, стоящего в уг-

ду. Он вынимает сначала связки тщательно сложенных счетов, а затем старый, посеревший от времени бумажник, в котором лежит только желтый конверт: «Открыть после моей смерти».

— Ну, вот, господа, — говорит комиссар. — Я думаю, это как раз то, что мы ищем.

«Я, нижеподписавшийся, Жюль Лапи, в здравом уме и твердой памяти, в присутствии Форрентена Эрнеста и Лепапа Франсуа, жителей Жанневиля Оржевальского округа...»

Голос Мегрэ становится все внушительнее.

— Фелиси оказалась права! — заключает он наконец, пробежав бумагу. — Ей оставлен в наследство дом и все к нему относящееся.

Семью словно громом сразило. Завещание содержит одну небольшую фразу, которую они забудут не скоро:

«...Принимая во внимание поведение моего брата и его жены после случившегося со мной несчастья...»

— Я ему просто говорил, что смешно поднимать такой шум из-за... — пытается объяснить Эрнест Лапи.

«...Принимая во внимание поведение моего племянника Жака Петийона...»

Молодой человек, приехавший из Парижа, напоминает двоечника, присутствующего при раздаче наград.

Но все это пустяки! Важно, что наследница — Фелиси. А

Фелиси, бог знает почему, куда-то исчезла.

Глава вторая

Шестичасовое метро

Засунув руки в карманы, комиссар стоит в коридоре перед бамбуковой вешалкой, в центр которой вделано зеркало в форме ромба. Мегрэ видит себя в зеркале. Ну как тут не рассмеяться! Он похож на ребенка, которому чего-то захотелось, но он не осмеливается попросить. Однако Мегрэ не смеется. Он протягивает руку за широкополой соломенной шляпой, висящей на крючке, и надевает ее.

Вот здорово! У Деревянной Ноги голова была еще больше, чем у комиссара, а ведь Мегрэ зачастую приходится обходить много шляпных магазинов, пока удастся подобрать подходящую. Это заставляет его задуматься. С соломенной шляпой на голове он возвращается в столовую, чтобы снова посмотреть на фотографию Жюля Лапи, найденную в ящике стола.

Однажды какой-то иностранный криминалист задал начальнику уголовной полиции вопрос относительно методов Мегрэ, на что тот ответил с загадочной улыбкой:

– Мегрэ? Что я вам могу сказать? Во время расследования он чувствует себя так же свободно, как дома в комнатных туфлях.

Сегодня комиссар чуть было не надел, если не комнат-

ные туфли убитого, то, во всяком случае, сабо покойного. Вот они стоят здесь, направо от порога – срезу видно: это их обычное место. Все здесь на своем месте, и если бы не отсутствие Фелиси, Мегрэ мог бы подумать, будто жизнь в доме идет своим чередом, что он сам и есть Жюль Лапи, который медленными шагами направляется к грядке, желая закончить ряд недосаженных помидоров.

Роскошный закат алеет за светлыми домиками Жанневиля, которые виднеются из сада. Эрнест Лапи, брат покойного, сообщил, что будет ночевать в Пуасси, а семью отправил в Фекан. Остальные, соседи и несколько крестьян из Оржеваля, провожавшие гроб Лапи на кладбище, должно быть, уже возвратились домой или зашли пропустить стаканчик в харчевню «Золотой перстень».

Там же находится и бригадир Люка, ему Мегрэ поручил снести туда свой чемодан и держать телефонную связь с Парижем.

У Деревянной Ноги была крупная голова, квадратное лицо, густые седые брови, седая щетина на лице, которую он брил лишь раз в неделю... Он был скуп. Достаточно бросить взгляд на его счета... Сразу становится понятно, он считал каждое су... Разве его брат не признался: «Разумеется, он был очень расчетливый...»

А когда один нормандец говорит о другом, что тот «расчетливый»...

На улице тепло. Небо становится почти фиолетовым. Из

деревни порывами веет свежий ветерок, и Мегрэ, покуривая, замечает: он сам теперь ходит немного согнувшись, подражая походке Жюля Лапи. Направляясь к погребу, он даже начал тащить левую ногу. Он отворачивает кран бочки с розовым вином, полощет стакан и наливает... В такой час Фелиси, должно быть, стряпала в кухне, и в сад доносился вкусный запах рагу... Не пора ли поливать грядки? Вон соседи уже поливают в своих садах... Понемногу сумерки обволакивают «Мыс Горн», где при жизни старика лампы разрешалось зажигать только, когда совсем стемнеет.

За что его убили? Мегрэ невольно думает, как в один прекрасный день он уйдет в отставку, и у него будет домик в деревне, сад, широкополая соломенная шляпа...

Деревянную Ногу убили не ради грабежа. Ведь, по словам брата, у Жюля Лапи почти ничего не было, кроме его знаменитой ренты. Нашли сберегательную книжку, конверт с двумя тысячами франков и несколько облигаций парижского муниципалитета. Нашли также его золотые часы.

Ну что ж! Нужно искать дальше! Нужно как следует влезть в шкуру бедняги! Он был хмурый, ворчливый, неразговорчивый, придиричивый. Настоящий отшельник. Малейшее нарушение привычного режима приводило его в ярость. Ему никогда и в голову не приходило жениться, обзавестись детьми, и никто не слышал, чтобы он завел какую-нибудь любовную историю.

Что же имела в виду Фелиси? Нет, это невозможно! Фели-

си лжет! Солгать ей ничего не стоит! Или, скорее, она хочет выдать желаемое за действительное. Для нее слишком просто, слишком банально быть служанкой старика. Она предпочитает намекнуть: уж если он вызвал ее к себе...

Мегрэ подходит к окну кухни. Каковы были отношения между этими двумя существами, жившими в таком уединении? Он думает, пожалуй, он даже уверен: они жили, как кошка с собакой.

И вдруг... Мегрэ вздрогнул... Он только что вышел из погреба, где выпил второй стакан вина... Сумерки уже сгустились. Он стоит с соломенной шляпой на голове и на мгновение сомневается, не снится ли ему это. Сквозь тюлевые занавески он видит, как в кухне зажглась электрическая лампочка, видит поблескивающие на крашенных стенах кастрюли, слышит, как вспыхнул газ в горелке. Он смотрит на часы. Без десяти минут восемь...

Тут он толкает дверь и видит Фелиси, которая уже успела повесить на вешалку свою шляпу и вуаль и теперь ставит на газ кофейник.

– А! Вы уже вернулись?

Она даже не вздрогнула, оглядела его с ног до головы и не сводит глаз с соломенной шляпы, о которой Мегрэ уже забыл.

Он садится. Наверное, он сел на место старика, у окна, и, пока он усаживается, вытягивая ноги, Фелиси хлопочет по хозяйству, словно его здесь нет, накрывает для себя, достает

из стенного шкафа масло, хлеб, колбасу...

– Скажите мне, детка...

– Я вам не детка.

– Скажите, Фелиси...

– Вы могли бы называть меня мадемуазель.

Боже мой! Какая она все-таки неприятная, нелюбезная. Мегрэ охватывает раздражение, подобно тому, какое испытывают, когда хотят поймать маленькое животное, ящерицу или ужа, а оно беспрестанно проскальзывает между пальцами. Ему трудно принимать Фелиси всерьез; а все-таки приходится. Он чувствует: лишь от нее и только от нее он сможет узнать правду.

– Ведь я просил вас не отлучаться из дома...

Она смотрит на него с подчеркнуто-самодовольной улыбкой, словно говорит: «А я взяла и ушла! Вот видите!»

– Могу я узнать, зачем вы поехали в Париж?

– Да просто погулять!

– Правда? Учтите, скоро я буду знать все, что вы там делали, во всех подробностях.

– Знаю. Какой-то дурень не отставал от меня ни на шаг.

– Какой дурень?

– Высокий, рыжий. Ему пришлось шесть раз пересаживаться в метро вслед за мной.

Наверное, инспектор Жанвье. Видимо, он установил за ней слежку, как только грузовичок механика подъехал к заставе Майо.

– С кем вы хотели встретиться в Париже?

– Ни с кем.

Она садится ужинать. Более того, она кладет перед собой какойто бульварный роман, где страница заложена ножом, и спокойно принимается читать.

– Скажите мне, Фелиси...

У нее козий лоб. Вот что поразило комиссара, когда он ее увидел в первый раз. Теперь он осознал это. Высокий и упрямый лоб, как у козы, которая безрассудно бросается на любое появившееся перед ней препятствие.

– Вы собираетесь одна провести ночь в этом доме?

– Разве вы собираетесь здесь остаться?

Она ест, она читает, а он скрывает свою досаду под ироническим выражением лица, которое хотел бы выдать за отеческое...

– Сегодня утром вы мне сказали, будто уверены в том, что получите наследство...

– Ну и что!

– Откуда вы это знали?

– Знала, и все тут!

Она приготовила себе кофе, наливает чашку и пьет. Чувствуется, она любит кофе, смакует каждый глоток, но не предлагает своему собеседнику.

– Я навещу вас завтра.

– Как вам угодно...

– Надеюсь, за это время вы подумаете...

Она вызывающе смотрит на него своими светлыми глазами, в которых ничего нельзя прочесть, и, пожимая плечами, бросает:

– О чем?

Почти у дверей «Мыса Горн» Мегрэ сталкивается с Жанвье, который довел свою слежку до Жанневиля. Огонек его сигареты светится в темноте... Тишина. Сияют звезды. Поют кузнечики.

– Я узнал ее сразу, начальник, по приметам, которые Люка сообщил по телефону. Когда грузовичок поравнялся с заставой, девица сидела рядом с механиком, их можно было принять за дружную супружескую пару. Она вышла, поднялась пешком по проспекту Гранд-Армэ, по пути разглядывая витрины. На углу улицы Вилларе де Жуаиез зашла в кондитерскую, съела полдюжины пирожных с кремом и выпила портвейна.

– Она тебя заметила?

– Не думаю.

– А я знаю.

Жанвье смущен.

– Потом она вошла в метро, купила билет второго класса. Мы сначала сделали пересадку на площади Согласия, потом вторую на вокзале Сен-Лазар... Поезда шли почти пустые... Она усаживалась, доставала из сумки бульварный роман и принималась читать... Мы пересаживались пять раз...

– Она ни с кем не разговаривала?

– Ни с кем... Мало-помалу пассажиров стало прибывать... А в шесть часов, когда закрываются магазины и конторы, началась толкотня... Вы знаете, час «пик»...

– Продолжай...

– На станции метро Терн нас зажало в толпе на расстоянии метра друг от друга... В эту минуту, признаюсь, я понял, что она меня заметила... Она на меня посмотрела... и мне показалось, шеф... как это сказать... На несколько секунд лицо ее изменилось... Она словно испугалась... Я уверен, она на мгновение испугалась либо меня, либо чего-то другого... Но это длилось лишь несколько секунд, и вдруг она снова заработала локтями, выбралась из толпы.

– Ты уверен, что она ни с кем не разговаривала?

– Уверен... На платформе она подождала, пока поезд уйдет, и пристально смотрела на битком набитый вагон...

– Тебе не показалось, что она интересуется кем-то определенным?

– Пожалуй, нет... Я только заметил, что лицо ее стало нетаким напряженным, а когда поезд скрылся в тоннеле, она не могла удержаться и бросила на меня торжествующий взгляд... Потом сразу же вышла на улицу... Сначала она, видно, даже не поняла, где находится... Она зашла выпить аперитив в бистро на углу проспекта Берн, потом посмотрела железнодорожное расписание, села в такси и поехала на вокзал Сен-Лазар... Вот и все... Я сел в тот же поезд, доехал вместе с ней до Пуасси, а потом мы, один за другим, подня-

лись на холм...

- Тебе хоть удалось перекусить?.
- На вокзале съел наспех сандвич.
- Оставайся здесь и подожди Люка!

Мегрэ идет мимо тихих участков Жанневиля; Только кое-где в окнах горят розоватые огоньки. Скоро он приходит в Оржеваль, в «Золотой перстень», где его ждет Люка. Бригадир сидит не один, а с каким-то парнем в синем комбинезоне. Не иначе как механик Луве! Он очень разговорчив, да и понятно. Перед ним стоят уже четыре или пять блюдечек.¹

– Мой начальник, комиссар Мегрэ, – представляет комиссара Люка, от которого тоже пахнет спиртным.

– Я уже говорил бригадиру, господин комиссар, что даже ни о чем и не подозревал, когда сел в машину. Я каждый четверг езжу в Париж за запасными частями...

- Всегда в одно и то же время?
- Примерно...
- Фелиси это знала?

– По правде сказать, я был едва знаком с ней... Никогда не разговаривал... Зато я хорошо знал Деревянную Нogu... Он приходил сюда каждый вечер поиграть в карты с Форрентеном и Лепапом... Четвертым иногда садился хозяин, иногда я или кто-нибудь другой... Смотрите!.. Форрентен и Лепап сейчас здесь, вон они там играют в левом углу с мэром и ка-

¹ Во Франции некоторые напитки, в том числе перно, подаются в рюмках на блюдечке, и по количеству блюдечек производится расчет.

менщиком...

– Когда вы обнаружили, что в вашей машине кто-то сидит?

– Не доезжая Сен-Жермена... Я услышал, как кто-то вздохнул... Подумал, ветер. Ветерок и в самом деле поднимал краябрезентового верха... И вдруг какой-то голос говорит мне: «У вас не найдется огонька?» Я оборачиваюсь и вижу ее: она откинула вуаль, в зубах сигарета... «Что вы здесь делаете?» – спрашиваю я. И вот она говорит, говорит... Рассказывает, как ей необходимо попасть в Париж, не теряя ни минуты... Это, мол, вопрос жизни и смерти... Те, кто убил Деревянную Нogu, хотят свалить вину на нее, а полиция ничего в этом деле не понимает. Я остановился на минутку и предложил ей сесть рядом со мной... Ведь она устроилась на старом, грязном ящике...

«Потом... потом, – все повторяла она, – когда я выполню задачу, которую должна выполнить, быть может, я расскажу вам все... Во всяком случае, я буду вам вечно благодарна, вы меня спасли...» Уже у заставы она меня еще раз поблагодарила и вышла с достоинством, как принцесса.

Люка и Мегрэ переглянулись.

– А теперь, если вы не возражаете, можно выпить в последний раз, в самый-самый последний... Нет, теперь я плачу за всех и пойду перекусить... Надеюсь, у меня в связи с этим не будет никаких неприятностей? За ваше здоровье...

Десять часов вечера, Люка занял пост, спрятавшись на-

против «Мыса Горн» и сменив Жанвье, который вернулся в Париж. В зале «Золотого перстня» серо от дыма... Мегрэ слишком много съел и пьет теперь третью или четвертую рюмку вина, считающегося местным.

Он сидит верхом на стуле с соломенным сиденьем, упершись локтями в спинку, полузакрыв глаза, и порой может показаться, будто он дремлет. Из его трубки прямо вверх поднимается легкая струйка дыма. Возле него четверо мужчин играют в карты.

Раскладывая сальные карты на красной скатерти, они разговаривают, задают друг другу вопросы, иногда рассказывают анекдоты. Хозяин кафе, мсье Жозеф, играет вместо старого Лапи, а четвертым присаживается механик, который успел поужинать.

– В итоге, – вздыхает Мегрэ, – он жил припеваючи... Вроде как почтенный деревенский кюре со своей служанкой... Наверное, заставлял себя нежить и холить...

Лепап, заместитель мэра Оржеваля, бросает взгляд на других. Его партнер, Форрентен, управляющий земельными участками в поселке, занимает здесь самый красивый дом у дороги, который возвещает проезжающих, что в Жанневиле еще продаются свободные участки...

– Кюре и его служанка! Ха! Ха! – ухмыляется помощник мэра.

Форрентен ограничивается ехидной улыбкой.

– Ну вот! Сразу видно, не знали вы его... – поясняет хо-

зьяин быстро, одновременно объявляя третью позицию в белот. – Хоть о мертвых плохо не говорят, все-таки он был порядочной свиньей...

– Как это понимать? – спросил комиссар.

– Ворчал с утра до речера по всякому поводу... Никогда ничем не был доволен... Возьмем, к примеру, историю с рюмками.

Он призывает своих партнеров в свидетели.

– Помните, сначала он стал утверждать: мол, у моих ликерных рюмок слишком толстое дно, и сам достал с верхней полки буфета другую рюмку из уже разбитого комплекта, которая ему больше понравилась. А когда стал переливать вино из одной рюмки в другую – взбесился, обнаружив, что вместимость их совершенно одинаковая. «Но вы же сами выбрали эту рюмку», – сказал я ему. И что же вы думаете, он купил в городе другую рюмку и принес ее мне. Та вмещала на треть больше, чем мои. «Мне-то все равно, – возразил я. – Если хотите, я налью вам в вашу рюмку, но и платить вам придется на пять су больше». Целую неделю он сюда не показывался. Однажды вечером я вижу, стоит в дверях. «Нальете в мою рюмку?» – «Если заплатите на пять су больше», – бросил я. И он снова ушел. Так продолжалось целый месяц. В конце концов я уступил. Нам недоставало четвертого партнера в белот. Теперь вам понятно, какая это свинья? Со служанкой он вел себя так же. Они грызлись с утра до вечера. Издали слышно было, как они ссорились. Они по неделям

друг с другом не разговаривали... Думаю, последнее слово всегда оставалось за ней, так как, с позволения сказать, она больше «нормандка», чем он... Ну да бог с ними! А все же любопытно узнать, кто убил беднягу... Ведь человек Лапи не злой... Просто такой характер... Не помню ни одной партии в карты, чтобы он в какую-то минуту не стал кричать, дескать, его пытаются обжудить...

– Часто он ездил в Париж? – немного погодя спросил комиссар.

– Можно сказать, совсем не ездил... Раз в четыре месяца за пенсией, и то уезжал утром и возвращался в тот же день вечером.

– А Фелиси?

– Вы не знаете, ездила Фелиси в Париж? – спросил хозяин у присутствующих.

Никто этого не знал. Зато часто видели, как она танцевала по воскресеньям в прибрежном ресторанчике в Пуасси.

– Знаете, как он ее называл? Когда речь заходила о ней, старик всегда говорил: «Мой какаду». Она уж так забавно одевается, дальше некуда... Видите ли, господин комиссар, наш друг Форрентен еще может обидеться, но я говорю то, что думаю, – все жители Жанневилья в какой-то мере психи. Здесь христианский дух не в особой чести... Здесь живут работяги, которые вкалывали всю жизнь, мечтая на старости лет поселиться в деревенской тиши... Ну, вот! Настает этот день... Они соблазняются многообещающими проспектами

Форрентена... Не возражай, Форрентен, всем известно, ты мастер золотить пиллюлю... И вот они уже в раю земном. Но тутто оказывается: они подышают от скуки... за сто франков в час... Но слишком поздно... Их скромные денежки вложены, и теперь они как могут должны развлекаться или хотя бы попытаться поверить, что развлекаются... Иные затевают процессы из-за какой-нибудь ветки, которая свешивается с соседнего участка к ним в сад, или из-за соседской собаки, которая пописала на их бегонии... Другие...

Мегрэ не спит, он даже поднимает руку, чтобы поднести рюмку к губам. Но он размяк от жары, постепенно погружается в созданный его воображением мир, и снова видит незастроенные улицы Жанневиля, юные деревца, дома, словно составленные из детских кубиков, слишком ухоженные сады, фаянсовых животных и стеклянные шары...

— К нему никто никогда не заходил?

Просто невероятно. Здесь слишком спокойно, слишком уютно, слишком слаженно. Если жизнь такова, как ее описывают, то невозможно поверить, что однажды утром, всего-навсего в понедельник, когда Фелиси отправилась за покупками в лавку Мелани Шошуа, ее хозяин вдруг перестал сажать свои помидоры, пошел в столовую, достал из буфета графин и рюмку, отправился в беседку, чтобы там в одиночестве выпить наливки, припасенной для торжественных случаев, потом...

Когда он поднялся в свою комнату, где пол так старатель-

но натерт, на голове у него была соломенная шляпа. Что он собирался делать в комнате?

Никто не слышал выстрела, однако же стреляли из револьвера, стреляли в упор, меньше чем в двух метрах от груди убитого. Так утверждают эксперты.

Если бы еще нашли револьвер, можно бы подумать, что Деревянная Нога, который стал неврастеником...

Помощник мэра не раздумывает о подобном и, подсчитывая свои взятки в картах, бормочет, словно отвечая на все вопросы:

– Что вы хотите? Он был оригинал...

Понятно! Но он же погиб! Кто-то убил его! А Фелиси сразу же после похорон выскальзывает из рук полиции, отправляется в Париж и там как ни в чем не бывало, глазееет на витрины, наедается пирожными с кремом, пьет портвейн, а потом разъезжает на метро.

– Интересно, кто теперь будет жить в доме?..

Игроки в карты переговариваются, перескакивая с одного на другое, и до Мегрэ, который не прислушивается, доносится только какое-то бормотание. Он не говорит им, что в доме будет жить Фелиси. Он словно плавает в пространстве... Перед его глазами вырисовываются какие-то картины и тут же стираются. У него едва сохранилось ощущение времени и места...

Фелиси, наверное, уже улеглась и читает в постели. Она не боится оставаться одна в доме, где убили ее хозяина. Эрнест

Лапи, брат, который так обижен из-за завещания... Деньги ему не нужны, но он никак не может понять, почему его брат...

– ...Построен лучше всех домов в поселке...

Кто это сказал? Наверное, Форрентен?

Мегрэ снова видит натертую до блеска лестницу. О Фелиси могут сказать все, что угодно, но чистота у нее в доме идеальная. Как любила говорить мать Мегрэ, так чисто, что можно есть на полу.

Дверь направо... Комната старика... Дверь налево... Комната Фелиси... Отсюда дверь ведет еще в одну, довольно большую комнату, где свалена ненужная мебель...

Мегрэ хмурится. Это не предчувствие, не какая-то догадка. Он просто смутно ощущает: тут что-то не так...

– Когда там жил молодой человек... – произносит Лепап.

Мегрэ вздрогнул.

– Вы имеете в виду племянника?

– Да... Он жил у дяди с полгода, а то и больше... Примерно год назад... Он, видно, не из очень здоровых... Кажется, врачи рекомендовали ему деревенский воздух, но он часто торчал в Париже.

– Какую комнату он занимал?

– Как раз... Вот это и есть самое забавное...

Лепап ему подмигивает. Форрентен недоволен, видно, управляющий не любит, чтобы рассказывали разные истории о поселке, где он чувствует себя полноправным власте-

лином.

– Это ничего не значит, – протестует он.

– В конце концов, да или нет, но старик и Фелиси... Послушайте, господин комиссар... Вы представляете себе дом... Справа от лестницы только одна комната, спальня Деревянной Ноги... По другую сторону две, но смежные... Так вот, когда приехал молодой человек, дядя уступил ему свою комнату, а сам поселился с другой стороны, иначе говоря, с Фелиси. Он занимал первую, а служанка спала во второй, так что вынуждена была проходить через спальню хозяина.

Форрентен возражает:

– Ну и что с того? Разве лучше было поселить юношу семнадцати лет рядом с молодой девушкой?

– Я ничего не говорю... Я ничего не говорю... – повторяет Лепап с лукавым видом. – Я ни на что не намекаю... Я только констатирую факт: старик жил рядом с Фелиси, тогда как племянник был отселен по другую сторону площадки... Но происходило ли там что-нибудь...

Мегрэ об этом не думает. Правда, он совсем не питает иллюзий насчет людей пожилого возраста и даже стариков. Впрочем, Жюлю Лапи стукнуло только шестьдесят, и он был еще в соку.

Просто это не соответствует представлению о нем, которое сложилось у комиссара. Ему кажется, что он начинает понимать этого одинокого брюзгу, чью соломенную шляпу он недавно примерял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.